

РУЗАННА ИСААКЯН

Студентка

Московский педагогический государственный университет

isaakyan.ruzanna@mail.ru

DOI: 10.54503/978-5-8080-1587-6-383

ПОЭЗИЯ АВЕТИКА ИСААКЯНА В ПЕРЕВОДАХ АЛЕКСАНДРА БЛОКА. ОБРАЗ, ЯЗЫК И ПОЭТИКА

Ключевые слова: армянская поэзия, искусство перевода, мастерство, подлинник, образность, ритмика, эмоциональность, лирика.

Аннотация

Статья представляет собой комплексное исследование, посвященное анализу переводческого наследия Александра Блока в контексте его работы над поэзией великого армянского поэта Аветика Исаакяна. Всего Блок перевел 20 стихотворений, которые считаются конгениальными подлинникам стихов армянского поэта. Обращение к творческому союзу двух ключевых фигур Серебряного века — русского и армянского — Александра Блока и Аветика Исаакяна, позволяет выявить глубинные механизмы межлитературного взаимодействия.

Целью работы является всестороннее рассмотрение того, каким образом русскому поэту удалось не только сохранить, но и воссоздать на языке перевода уникальное художественное своеобразие армянской поэзии, обеспечив ей новое, многогранное звучание в рамках русской культуры Серебряного века.

Задачи работы заключаются в следующем: определить степень творческого взаимодействия Блока и Исаакяна; провести сравнительный анализ оригинальных и переводных текстов с фокусом на ключевые образы и мотивы; исследовать ритмико-мелодическую организацию и стратегии передачи музыкальности; оценить степень воссоздания лирического начала и народного духа поэзии Исаакяна.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к материалу, который рассматривается не изолированно, а как целостный

поэтический цикл, рожденный в точке пересечения двух творческих систем.

В статье подробно раскрывается историко-культурный контекст, обусловивший появление этих переводов: от общественной инициативы Горького, Брюсова издать антологию и сборник армянской поэзии до личной творческой встречи двух поэтов, духовное и эстетическое родство которых стало залогом глубины и точности интерпретации. Центральное место в исследовании отводится анализу художественных стратегий Блока-переводчика. Детально исследуется мастерство передачи сложной образной системы Исаакяна, пронизанной мотивами родной земли, страдания, изгнания и философского осмыслиения бытия. Особый акцент делается на том, как Блок виртуозно транслирует глубинную лиричность и особую чуткость к народному духу, которые являются смысловым ядром творчества армянского классика.

Важнейшим аспектом анализа становится доказательство тезиса о высочайшей степени сохранения музыкальной организации оригинала. Блоку удалось воспроизвести мелодику армянской речи и песенной традиции, органично вплетая ее в систему русского стиха.

RUZANNA ISAHAKYAN

Student

Moscow State Pedagogical University

isaakyan.ruzanna@mail.ru

AVETIK ISAHAKYAN'S POETRY IN THE TRANSLATIONS OF ALEXANDER BLOK: IMAGE, LANGUAGE AND POETICS

Key words: Armenian poetry, art of translation, mastery, authenticity, imagery, rhythm, emotionality, lyrics.

Abstract

This article is a comprehensive study that analyzes Alexander Blok's translation legacy in the context of his work on the poetry of the great Armenian poet Avetik Isahakyan. Blok translated a total of 20 poems, which are considered to be congruent with the Armenian poet's original works.

Examining the creative collaboration between two key figures of the Silver Age Armenian and Russian poetry, Alexander Blok and Avetik Isahakyan, allows us to uncover the underlying mechanisms of interliterary interaction.

The purpose of the work is to comprehensively examine how the Russian poet managed not only to preserve, but also to recreate in the language of translation, the unique artistic originality of Armenian poetry, providing it with a new, multifaceted sound within the framework of the Russian culture of the Silver Age.

The objectives of the work are as follows: to determine the degree of creative interaction between Blok and Isahakyan; to conduct a comparative analysis of the original and translated texts with a focus on key images and motifs; to explore the rhythmic and melodic organization and strategies for conveying musicality; and to assess the degree of recreation of the lyrical beginning and the national spirit of Isahakyan's poetry.

The scientific novelty of the work lies in its comprehensive approach to the material, which is viewed not in isolation, but as a holistic poetic cycle born at the intersection of two creative systems.

The article provides a detailed analysis of the historical and cultural context that led to the creation of these translations, from Gorky's and Brusov's social initiative to publish an Anthology and Collection of Armenian poetry to the personal creative encounter between two poets whose spiritual and aesthetic kinship ensured the depth and accuracy of their interpretations. The study focuses on the analysis of Blok's artistic strategies as a translator. The article examines in detail the skillful transmission of Isahakian's complex figurative system, which is imbued with motifs of the native land, suffering, exile, and philosophical reflection on existence. Special attention is given to how Blok masterfully conveys the profound lyricism and sensitivity to the national spirit that are at the core of the Armenian classic's work.

The analysis emphasizes the importance of preserving the musical organization of the original work to the highest degree possible.

Blok managed to reproduce the melodiousness of the Armenian language and song tradition, seamlessly integrating it into the Russian verse system.

ՌՈՒԶԱՆՆԱ ԻՍԱԿՅԱՆ

Ուսանող

Մուսկայի պետրական մանկավարժական համալսարան

isaakyan.ruzanna@mail.ru

ԱՎԵՏԻՔ ԻԱՀԱԿՅԱՆԻ ՊՈԵԶԻԱՆ ԱԼԵՔՍԱՆԴՐ ԲԼՈԿԻ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ. ԿԵՐՊԱՐ, ԼԵԶՈՒ ԵՎ ՊՈԵՏԻԿԱ

Բանալի բառեր - հայ պոեզիա, թարգմանչական արվեստ, վարպետություն, բնօրինակ, պատկերավորություն, ոդիք, հուզականություն, քնարերգություն:

Ամփոփում

Հոդվածը համապարփակ ուսումնասիրություն է, որը նվիրված է Ալեքսանդր Բլոկի թարգմանական ժառանգության վերլուծությանը հայ մեծ բանաստեղծ Ավետիք Իսահակյանի պոեզիայի թարգմանության համատեքստում: Ընդհանուր առմամբ՝ Բլոկը թարգմանել է 20 բանաստեղծություն, որոնք համարվում են թարգմանական արվեստի բարձր նմուշներ՝ հավասարազոր Իսահակյանի բնագրերի արվեստին: XX դարի հայ և ոուս քնարերգությունների առանցքային դեմքերի՝ Ալեքսանդր Բլոկի և Ավետիք Իսահակյանի ստեղծագործական միությանն ուղղված անդրադարձը թույլ է տալիս բացահայտել գրական առնչությունների խորքային մեխանիզմները:

Աշխատության նպատակն է համակողմանիորեն ուսումնասիրել, թե ինչպես ոուս բանաստեղծին հաջողվեց ոչ միայն պահպանել, այլև թարգմանության լեզվով վերստեղծել հայ պոեզիայի գեղարվեստական ինքնատիպությունը՝ ապահովելով նրան նոր, համապատասխան հնչողություն արձաթել դարաշրջանի ոուսական մշակույթի շրջանակներում:

Սույն ուսումնասիրության խնդիրներն են՝ որոշել Բլոկի և Իսահակյանի ստեղծագործական փոխագործակցության աստիճանը, կատարել բնագրի և թարգմանված տեքստերի համեմատական վերլուծություն՝ կենտրոնանալով հիմնական պատկերների և մոտիվների վրա, ուսումնասիրել երաժշտականության փոխանցման ոիթմիկ-մեղեդային կազմակեր-

պում ու իրականացումը՝ վերակերտելով Իսահակյանի պոեզիայի քնարական սկզբունքի և ժողովրդական ոգու վերստեղծման աստիճանը:

Ուսումնասիրության գիտական նորույթը նյութի նկատմամբ ինտեգրված մոտեցման մեջ է, որը դիտարկվում է ոչ թե մեկուսացված, այլ որպես ամբողջական բանաստեղծական ցիկլ, որը ծնվել է երկու ստեղծագործական համակարգերի հատման կետում:

Գորկու և Բրյուսովի ծրագրած հայ գրականության անթոլոգիաների իրապարակման նախաձեռնությունից մինչև երկու բանաստեղծների անհատական ստեղծագործական հանդիպում նրանց հոգևոր և գեղագիտական հարաբերությունները, դարձել են մեկնաբանման խորության և ճշգրտության բանալին: Այս թարգմանությունները, ըստ Էության, լավագույնս արտացոլում են XX դարի հայ-ռուսական գրական կապերը: Ուսումնասիրության մեջ կենտրոնական տեղ է հատկացվում Բլոկ-թարգմանչի գեղարվեստալեզվական կառույցի վերլուծությանը: Մանրամասն ուսումնասիրվում է հայրենի հողի մոտիվներով ներծծված Իսահակյանի բարդ փոխաբերական համակարգի փոխանցման, տառապանքի, աքսորի և կեցության փիլիսոփայական իմաստավորման վարպետությունը: Հասովով շեշտադրվում է այն, թե ինչպես է Բլոկը վարպետորեն վերաստեղծում խորթային քնարերգությունն ու ժողովրդական ոգու նկատմամբ հատուկ զգայունությունը, որոնք հայ դասականի ստեղծագործության իմաստային կորիզն են:

Վերլուծության ամենակարևոր նպատակներից է Իսահակյանի բնօրինակի երաժշտական կազմակերպության պահպանման ամենաբարձր աստիճանը և նրա իրականացումը թարգմանչի կողմից:

Բլոկին հաջողվել է վերարտադրել հայկական խոսքի և երգի ավանդույթի մեղեդին՝ այն օրգանապես միահյուսելով ոռսական չափածոյի համակարգին:

Введение

Одним из наиболее значимых явлений в истории русско-армянских литературных связей начала XX века стала работа Александра Блока над переводами поэзии Аветика Исаакяна. Близкое знакомство русского поэта с армянской поэзией произошло осенью 1915 года, когда Валерий Брюсов предложил ему принять участие в подготовке антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней»

Обращение русского символиста к армянской поэзии в 1915 году было обусловлено внешними обстоятельствами — подготовкой антологии «Поэзия Армении...» под редакцией Валерия Брюсова, — и глубокой внутренней потребностью самого поэта. Этот период совпал с важным этапом в творческой биографии Блока, когда его художественные поиски были обращены к теме родины, народной судьбы и исторического предназначения поэта. В лирических произведениях Исаакяна Блок находил ответы на важные вопросы: человеческие взаимоотношения, любовь к природе, ощущение смысла жизни.

Несмотря на то, что Александр Блок и Аветик Исаакян были воспитанниками разных культур и эпох, творчество армянского поэта оказалось удивительно близко Блоку по духу благодаря общности ключевых тем. Внутреннее, духовное родство и побудило Блока взяться за переводы, однако этот труд оказался для него чрезвычайно тяжелым, поскольку армянский язык и культурно-исторический контекст произведений Исаакяна были ему в новинку. Решение Блока переводить армянского поэта было не случайным выбором, а глубоко осознанным движением навстречу родственной душе.

Работая с подстрочниками и консультируясь со специалистами, Блок стремился к максимальной точности, мучительно преодолевая языковой барьер и стремясь передать не только смысл, но и самую душу армянской поэзии, что и позволило ему создать переводы, которые считаются конгениальными шедеврами и мостом между двумя великими литературными традициями.

Историко-культурный контекст и творческое сродство.

Историко-культурный контекст: как Блок узнал об Исаакяне

Историческим катализатором этой встречи стала гуманитарная акция русской интеллигенции. В разгар Первой мировой войны, на фоне трагических событий в Османской империи, в России возникает движение по поддержке армянского народа. Одним из его духовных проявлений стал масштабный проект — создание литературного па-

мятника, антологии «Поэзия Армении» под редакцией Валерия Брюсова. Брюсов, будучи не только поэтом-символистом, но и выдающимся литературоведом-энциклопедистом, задумал представить русскому читателю всю палитру армянской поэзии — от древнейших времен до современности. Для этого он привлек к работе русских поэтов, в числе которых был и Александр Блок. 13 сентября 1915 года Брюсов отправил Блоку письмо следующего содержания: «Дорогой Александр Александрович! Вы, может быть, слышали, что я редактирую сборник «Поэзия Армении», для чего, между прочим, посвятил все лето, — после своего возвращения с фронта, — на изучение армянского языка. Очень Вы меня порадовали бы, и всю нашу редакцию также, если бы Вы согласились принять участие в этом сборнике...» (Блок, 1980: 517). Это предложение нашло отклик в душе поэта. Важно подчеркнуть, что это была не просто литературная задача, а акт гражданской солидарности и глубокого культурного диалога. Блок, всей душой ощущавший трагедию войны и разлома старого мира, воспринял эту работу как духовно важную миссию, что изначально задало его участию высокую, серьезную интонацию.

В рамках работы над антологией Блоку было предложено перевести ряд армянских поэтов, в том числе Брюсов обратил внимание поэта на Терьяна. Однако Александр Александрович не увидел в этом литературном деятеле родственную душу. Изучив творчество Исаакяна, он сразу почувствовал, что у него много общего с Исаакяном. Творчество Аветика Сааковича, особенно его сборник «Песни и раны» (1897), произвело на Блока огромное впечатление. Он не просто оценил его техническое мастерство, но увидел в нем родственный дух. Его первая оценка, зафиксированная в письмах и в предисловии к антологии, была безоговорочно восторженной. Блок, представитель одной из самых утонченных литературных школ в России, признал не просто самобытность, но и высочайший класс поэта из иной культурной традиции, ставя его в один ряд с величайшими европейскими

мастерами слова. Это была мгновенная и безошибочная идентификация гения.

Это открытие не было для Блока случайным или сугубо «заказным». Оно совпало с одним из самых напряженных и переломных периодов его жизни и творчества. 1915–1916 годы — время глубоких раздумий Блока о судьбе России, надвигающемся хаосе революции, о роли поэта в апокалиптическом мире. Его собственная поэзия двигалась от утонченного символизма к суровой, надрывной реальности. В этом состоянии он обнаружил в Исаакяне удивительно близкого по духу художника.

Противоположности, которые сошлись

С первого взгляда, их миры были кардинально разными:

Аветик Саакович Исаакян - поэт, родившийся в древней армянской провинции, впитавший дух народных сказаний, трагическую историю своего народа, его песни и легенды. Его поэзия была укоренена в земле, в боли и памяти целого народа.

Александр Александрович Блок - потомок немецких профессоров и русской интеллигенции, выросший в стенах Петербургского университета. Символист, певец «Прекрасной Дамы», чей творческий путь проходил в гуще сложнейших интеллектуальных и мистических исканий Серебряного века.

Их сблизили общечеловеческие темы: оба поэта, говорили об одном и том же — о тоске по идеалу и гармонии, которую Блок искал в мистических образах, а Исаакян в эпическом прошлом и природе Армении, о глубоком трагизме и сострадании, об одиночестве и изгнанничестве, воплощенных в образе странника у Исаакяна и в ощущении себя пророком в одиночестве у Блока, всё острее чувствовавшего разлад с реальностью, а также невероятная музыкальность поэзии, так как оба были композиторами слова, чьи стихи рождались из звука, ритма и мелодии.

Таким образом, творческое сродство Александра Блока и Аветика Исаакяна — это удивительный пример того, как поэты, принадлежащие к разным культурам и традициям, могут быть объединены

общностью фундаментальных тем и мироощущения. Блок не просто переводил тексты — он услышал в поэзии Исаакяна созвучные своей душе мотивы, что и сделало его работу столь глубокой и проникновенной.

Тяжёлый, но благородный труд

Решение переводить Исаакяна было для Блока актом огромной творческой смелости, сопряжённым с рядом объективных и колоссальных трудностей, главной из которых стал непреодолимый языковой барьер: будучи абсолютно не знаком с армянским языком, уникальной фонетикой и структурой которой принадлежат к иной языковой семье, Блок был вынужден работать не с оригиналом, а с подстрочными переводами — сухими, буквальными, лишёнными всякой поэзии конспектами, которые для него готовили специалисты, в первую очередь литературовед Погос Макинцян; эти подстрочки давали лишь схематичное понимание смысла, но не передавали музыки, образности и духа стиха. Не менее сложной задачей стало погружение в культурный и исторический контекст: за лаконичными и ёмкими образами Исаакяна стояла целая история, мифология и трагическая судьба армянского народа, его реалии, сакральная география и глубоко национальная символика, потому Блоку приходилось в сжатые сроки осваивать культуру и язык, чтобы понять не просто буквальный смысл слов, но и дух каждого стихотворения, его эмоциональный и исторический подтекст. Эта работа усложнялась его стремлением к абсолютной точности: он сознательно отказался от вольных переложений, поставив перед собой сверхзадачу — создать на русском языке полноценный поэтический текст, который был бы аутентичен оригиналу и максимально близок к нему по семантике, образной системе, ритмико-интонационному строю и звучанию, ради чего он часами, с присущим ему фанатичным трудолюбием, мог обсуждать с консультантами выбор единственного верного эпитета, оттенка значения или ритмического рисунка. Всё это усугублялось его внутренней строгостью и перфекционизмом: Блок, судя по его письмам и дневниковым записям, был крайне недоволен собой и посто-

янно рефлексировал, о чём говорится в письмах, например, Иоанне Матвеевне Брюсовой, в письме от 30 ноября 1915 года: «Очень извиняюсь что так долго задерживаю стихи Исаакяна; это происходит не от того, что я ими не заинтересован; напротив, я бьюсь над ними часто, но этот прекрасный поэт невероятно труден для передачи...» (Блок, 1963: 450) — и эта творческая неудовлетворённость, парадоксальным образом, является лучшим доказательством его высочайшей ответственности и того благородного отношения к чужому слову, которое превратило этот тяжёлый труд в образец переводческого подвижничества.

Методология перевода А. Блока: между точностью и вдохновением.

Александр Блок с перфекционизмом относился к сфере деятельности. Он старался максимально точно передать смысл, ритм, мелодику и образность лирического произведения. Будучи лишенным возможности обращаться непосредственно к тексту на армянском языке, Блок избрал сложный, но предельно честный путь, который можно охарактеризовать как со-творчество, основанное на доверии и эмпатии.

Ключевым инструментом и одновременно главным вызовом для Блока стал подстрочный перевод. Эти тексты, лишенные образности, ритма и эмоциональной окраски, давали лишь поверхностное представление о произведении. Задачей Блока было передать русскому читателю глубокий смысл стихотворений и отразить культуру армянского народа.

В этом процессе незаменимым соратником поэта стал Погос Макинцян – литературовед и переводчик, который не только готовил подстрочки, принимал активное участие в выборе материалов, но и имел хорошие связи. Паоло знал Исаакяна и приложил немало усилий для того, чтобы убедить Исаакяна вернуться в Армению из Венеции. Сотрудничество Погоса Макинцяна и Александра Блока выходило далеко за рамки формального перевода слов. Это был интенсивный творческий диалог, о чём свидетельствует переписка Блока. Поэт

часами мог обсуждать с Макинцяном оттенки значений слов, культурные коннотации, исторический контекст того или иного образа.

Макинцян предоставлял буквальный, дословный перевод, а Блок вникал в суть текста, задавал уточняющие вопросы о конкретных образах в контексте армянской культуры. Кроме того, Александру Александровичу важно было понимать эмоциональную окраску армянских слов, фразеологизмов и диалектов.

Блок искал не буквальное соответствие, а поэтически-культурную схожесть образов в русской традиции. Например, армянский народный инструмент мог быть заменен на близкий по тембру и символике русский, если прямое название меняло бы строй и ритмичное звучание стиха. русский поэт, с его феноменальным музыкальным слухом, подбирал такой размер и рифмовку, которые бы не копировали слепо армянский оригинал, но передавали его интонационное дыхание.

Для Блока перевод был не ремесленной работой, а моральным долгом, особенно в контексте трагедии армянского народа. Он ощущал себя не вправе искажать или упрощать мысль и чувство поэта, чей голос звучал для него как голос целого страдающего народа. Его перфекционизм и «творческая неудовлетворенность», о которой он пишет в письмах, проистекали именно отсюда.

Блок понимал, что дословно точный перевод убьет поэзию. Его цель заключалась в том, чтобы создать на русском языке самостоятельное художественное произведение, которое бы производило на русского читателя то же впечатление, что и оригинал – на армянского. Поэтому он жертвовал буквой ради духа, словом – ради образа, прямой номинацией – ради музыкальности.

Прежде чем начать работу, Блок стремился понять личность Исаакяна, его мироощущение, ключевые темы о матери и Родине. Он не переводил отдельные стихи, он вел диалог с родственной поэтической системой. Это позволило ему уловить и блестяще передать характерную для Исаакяна интонацию.

Блок избегал как избыточной экзотизации. Он находил баланс, сохраняя уникальные армянские слова там, где это было необходимо для смысла, например, слова «джан» (милый), «яр» (влюбленный), «дар-дар», но часто объяснял их через контекст или находил глубокую аналогию в русском фольклоре или классической поэзии.

Как говорилось раннее, работа давалась Блоку невероятно тяжело, но это является не свидетельством его слабости как переводчика, а, напротив, доказательством его гениальности. Он не мог работать иначе. Его мучительные сомнения, бесконечные правки, отказы от казалось бы найденных решений – все это был инструментарий его творчества.

Он бился над одним-единственным словом, потому что искал не просто синоним, а единственно верное звучание, которое бы резонировало с глубинным смыслом оригинала. Он относился к стихам Исаакяна с той же требовательностью, что и к своим собственным.

Его принципы – ответственность, стремление к художественной, а не буквальной правде, вовлечение в авторский мир и фанатичный перфекционизм – позволили ему преодолеть непреодолимый, казалось бы, языковой барьер и совершить главное: не перевести слова, а услышать и передать образ другой культуры, сделав ее достоянием. Этот метод и стал залогом феномена «конгениальности» его переводов.

Сравнительный анализ переводов стихотворений Аветика Исаакяна.

Стихотворение А. Исаакяна «Видит лань — в воде...» в переводе А. Блока

Видит лань — в воде
Отражен олень.
Рыщет лань везде,
Ищет, где олень.
Лани зов сквозь сон
Услыхал олень.
Рыщет, ищет он,

Ищет ночь и день (Исаакян, 2006: 123).

Стихотворение Исаакяна представляет собой лаконичную и глубокую поэтическую притчу о вечном поиске, разлуке и недосягаемости идеала. Основные мотивы — тоска по единству, иллюзорность счастья, вечный поиск родственной души. Образная система строится на древнем, архетипическом противопоставлении лани и оленя как символов вечной жажды любви и гармонии, которые, будучи предназначены друг для друга, не могут воссоединиться.

Образы лани и оленя являются универсальными архетипами, понятными и в русской, и в армянской культурной традиции как символы красоты, грации, любви и тоски. Блоку не потребовалось их русифицировать или заменять, так как эти образы абсолютно органично вписываются и в русский поэтический контекст.

Таким образом, русский текст стихотворения передает невидимые и тайные грани литературного таланта Аветика Исаакяна. В этом заключается гениальная простота и точность решения Блока: он работает с глубинными, общечеловеческими символами, которые не требуют перевода. Блок совершил главное: он передал не слова, а ритм и чувство.

Стихотворения А.Исаакяна «Моей матери» и «Мне грезится: вечер мирен и тих...» в переводе А.Блока

Моей матери

От родимой страны удалился
Я, изгнаник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.

С гор вы, пестрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать повстречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?

Ветерки пролетели бесшумно,
Птицы мимо промчались на юг.
Мимо сердца с тоскою безумной —
Улетели бесшумно на юг.

По лицу да по ласковой речи
Стосковался я, мать моя, джан,
Был бы сном я, — далече, далече
Полетел бы к тебе, моя джан.

Ночью душу твою целовал бы,
Обнимал бы, как сонный туман,
К сердцу в жгучей тоске припадал бы,
И смеялся и плакал бы, джан!

Мне грезится: вечер мирен и тих,
Над домом стелется тонкий дым,
Чуть зыблются ветви родимых ив,
Сверчок трещит в щели, невидим.

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребенком моим грустит.
Сладко-сладко, спокойно дремлет дитя,
И мать моя, молча, молитву творит.

«Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнаник, мой сын».

Над мирным домом струится дым,
Мать над сыном моим молитву творит,
Сверчок трещит в щели, невидим,
Родимая ива едва шелестит (Исаакян, 2006: 73, 226).

Стихотворения «**Моей матери**» и «**Мне грезится: вечер мирен и тих...**» представляют собой квинтэссенцию ключевых мотивов

вов поэзии Исаакяна: изгнанничество, тоска по родине и связь с родным очагом. Сюжеты строятся на движении от отчаяния одинокого странника к умиротворённому, почти мистическому видению материинского дома и молитвы. Лирический герой Исаакяна переживает душевную тоску по матери. Он вынужден покинуть родимый дом из-за политических причин. Он считает себя «изгнаником» и «бедным странником», потому что вынужден находиться в одиночестве, вдали от привычных краев. Лирический герой стихотворений мечтает поскорее увидеться с родителем, чтобы поцеловать и обнять родного человека. Беспокойный мир героя («изгнаник», «без крова и сна») противопоставлен идиллическому, полному тихой гармонии образу родного дома. Центральный скрепляющий образ — мать, выступающая одновременно и как конкретный любимый человек, и как архетипический образ хранительницы очага, источника защиты и благословения.

Блок не просто переводит, а проникает в саму суть этого чувства, сохраняя сокровенное армянское обращение «джан» — этот лингвистический мост становится ключом к культуре страны и эмоциональной напряжённости стиха. Он не русифицирует обращение, не заменяет его на «родная» или «милая». Он бережно переносит в русский текст армянское слово «джан» (душа, жизнь, ласковое обращение). Это знак абсолютного уважения к чужой культуре. Словосочетанием «родимые ивы» автор передает чувство печали и меланхолии. Точное попадание в энергетику стиха вызывает у русского читателя нужный комплекс чувств.

Также Блок использует приём удвоения синонимичных образов. Это не тавтология, а усиление, углубление трагического состояния героя. «Изгнаник» — статус социальный, вынужденный. «Бедный странник» — состояние души. Повтор «сна» создаёт эффект навязчивой, мучительной мысли.

Таким образом, Блок глубоко проникает в эмоциональный и образный строй стихотворения Исаакяна и воссоздает его средствами русской поэтической традиции, не предавая духа оригинала.

Стихотворение А. Исаакяна «Снилось мне — у соленой волны...» в переводе А.Блока

Снилось мне — у соленой волны,
Ранен в сердце, я тихо прилег;
Навевая мне нежные сны,
Набегает волна на песок.

Снилось — мимо проходят друзья,
Веселятся, поют и кричат;
Но никто не окликнул меня.
Я молчу, и тускнеет мой взгляд (Исаакян, 2006: 137).

В Стихотворении «Снилось мне — у соленой волны...» сконцентрированы мотивы одиночества, тоски, болезненного разлада с миром и обществом. Сон здесь — не уход от реальности, а, наоборот, обнажение горькой правды. Образ моря («соленая волна») традиционно символизирует бесконечность, жизнь, но здесь он становится фоном для раны и забвения, приобретая трагическую, окраску.

Образная система строится на контрасте: статичный, «тускнеющий» герой противопоставлен динамичному, шумному, безразличному миру («проходят», «веселятся, поют и кричат»). Этот контраст подчеркивает глубину одиночества.

Ритм и настроение оригинала, который Блок уловил блестяще, — это монотонный ритм накатывающей волны и ритм прерывистого, затрудненного дыхания от душевной подавленности.

Лирический герой делится сном, в котором друзья предают персонажа. Компании людей весело: они «поют и кричат», не вспоминая и не окликая героя стихотворения. Герой не протестует, не кричит, а лишь «молчит», и его взгляд «тускнеет». Это не активное отчаяние, а пассивное угасание, что делает эмоцию еще более пронзительной. Блок передает именно эту обреченную, угасающую тональность.

Таким образом, в переводе Блок демонстрирует высочайшее умение работать с подтекстом. Он не просто пересказывает сюжет сна, а воссоздает его звуковую и эмоциональную ауру.

Стихотворение А. Исаакяна «Да, я знаю всегда — есть чужая страна...» в переводе А. Блока

Да, я знаю, всегда — есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране.
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым...(Исаакян, 2006: 186)

Стихотворение отражает одну из ключевых тем поэзии Исаакяна: тоску по Родине. Мотив изгнанничества представлен напряжённым и трагичным. Это не просто ностальгия, а ощущение живой, страдающей души у родины, которая так же тоскует по своему сыну.

Образная система строится на одушевлении родного края: страна обретает «душу», которая «грустна», «одинока», «сгорает и рвется». Блок смог передать первоначальную идею Исаакяна и с помощью олицетворения показать взаимодействие Родины и героя.

Одушевление родины — эта черта армянского менталитета, где родная страна — живая, страдающая мать. Блок не просто сохраняет этот образ, он усиливает его средствами русского символизма. Он делает этот образ понятным и органичным для русского читателя.

Каждый новый повторяющийся союз «и» — это новый виток эмоции, новое глубокое переживание, которое насливается на предыдущее, создавая эффект исповеди, взволнованной, прерывистой речи: «И грустна, и, как я, одинока она, / И сгорает, и рвется ко мне». Блок блестяще сохраняет этот нагнетающий эффект.

Кульминацией стихотворения становится трепетная нежность, где тоска перетекает в осозаемую близость: образ «святого поцелуя»

к «далёкой руке» и касание «золотых волос» преодолевают пространство и время, возводя земное чувство в высший, сакральный план. Эпитет «святым» не просто украшает речь — он одухотворяет порыв, превращая его в акт благоговения перед душой Родины, а метафора «золотых волос» выходит за рамки цвета, становясь символом нетленной, драгоценной красоты и тепла, которые герой мысленно оберегает «в неисходной тоске».

Таким образом, через точный подбор глаголов, возвышенную лексику и сохранение ритма повторов, он превращает стихотворение Исаакяна в гимн вневременной, надрывной связи человека и его Родины, понятный на глубинном уровне любой культуре.

Художественное единство переводческого цикла Блока

Анализ отдельных стихотворений убедительно доказывает, что переводы Блока из Исаакяна представляют собой не разрозненный сборник, а целостный поэтический цикл, объединенный единым творческим методом, общим мироощущением и уникальным «блоковским» звучанием, при этом удивительно точно передающим дух армянского оригинала. Этот метод можно определить как символистскую эмпатию — способность вчувствоваться в эмоциональный и метафизический строй чужой поэзии и воссоздавать его органичными средствами русской литературной традиции. Все двадцать переводов связаны общими принципами: неизменным выбором в пользу художественной, а не буквальной правды; виртуозной работой с ритмико-мелодической организацией, где размер, звукопись и интонация всегда служат раскрытию смысла; обостренным вниманием к культурному коду, который передается через нахождение глубоких архетипических соответствий.

Именно этот подход позволил Блоку совершить главное: интегрировать поэзию Исаакяна в контекст русской литературы Серебряного века, не предав ее духа. Он сделал армянского поэта своим собеседником, чьи темы — изгнанничество, тоска по идеалу, мистическая связь с родиной, трагическое мироощущение — оказалисьозвучны не только его собственным исканиям 1915–1916 годов

(циклы «Родина», «Страшный мир»), но и общему умонастроению эпохи, предчувствовавшей катастрофу. Блок нашел в Исаакяне родственный голос и, пропустив его через призму мощного художественного мира, дал ему новую жизнь в русской словесности.

Заключение

Проведенное исследование переводческого наследия Александра Блока, посвященного поэзии Аветика Исаакяна, позволяет утверждать, что мы имеем дело с уникальным феноменом в истории русско-армянских литературных связей и искусстве перевода в целом. Работа Блока не была ни случайным эпизодом, ни выполненным «по обязанности» заказом. Она стала актом глубокого творческого и духовного избирательного родства, результатом которого явился цикл переводов, обладающий внутренним единством и художественной автономией.

Подводя итоги по главам, следует отметить, что в первой главе был раскрыт историко-культурный контекст, показавший, что обращение Блока к Исаакяну было обусловлено не только внешним импульсом (антология под редакцией Брюсова), но и глубокой внутренней потребностью самого поэта, находившегося в напряженных раздумьях о судьбе России, долге художника и природе народного духа. Анализ творческого сродства двух поэтов выявил общность фундаментальных тем — трагического изгнанничества, мистической связи с родиной, просветленной боли и поиска утраченной гармонии, — что и предопределило глубину и точность блоковской интерпретации.

Во второй главе была проанализирована методология перевода Блока, которая может быть определена как синтетический метод, балансирующий между скрупулезной точностью и творческим вдохновением. Работая с подстрочниками и опираясь на консультации П. Макинцяна, Блок стремился не к буквальному пересказу, а к воссозданию художественного мира Исаакяна. Этот метод проявился в виртуозном владении ритмикой и звукописью, где каждый размер (пятистопный хорей, анапест, ямб) был подобран для адекватной передачи интонации оригинала; в бережном и точном обращении с культурным кодом, где Блок либо находил емкие эквиваленты в рус-

ской традиции, либо, напротив, сохранял ключевые национальные маркеры («джан»), усиливая тем самым глубину диалога культур; и, наконец, в обостренном чувстве образности, где он часто усиливал метафоры, добиваясь высочайшей эмоциональной концентрации («ранен в сердце», «сгорает и рвется ко мне»).

В третьей главе сравнительный анализ конкретных стихотворений («Моей матери», «Снилось мне — у соленой волны...», «Да, я знаю всегда...») наглядно продемонстрировал, как эти принципы воплощаются на практике. Блок не просто переводил слова, а воссоздавал самую нервную, пульсирующую материю чувства, будь то тоска по дому, экзистенциальное одиночество или мистическая связь с родиной.

В четвертой главе было доказано, что все двадцать переводов представляют собой не разрозненный сборник, а целостный поэтический цикл, объединенный единым творческим методом, общим мироощущением и уникальным «блоковским» звучанием, при этом удивительно точно передающим дух армянского оригинала.

Феноменальность переводов Блока и их конгениальность заключаются именно в этом удивительном синтезе: способности услышать музыку чужой души и воссоздать ее средствами родного языка, не потеряв ни единой ноты. Этому способствовало несколько факторов: глубинное творческое родство с Исаакяном, обостренное чувство художественной ответственности, виртуозное владение ритмико-мелодической организацией русского стиха и символистская эмпатия, позволившая проникнуть в метафизический строй армянской поэзии.

Значение этой работы для диалога двух культур трудно переоценить. Блок построил не просто мост между русской и армянской литературой — он создал пространство глубокого взаимопонимания, где трагедия одного народа становилась болью другого, а лирика одного поэта — достоянием всей мировой культуры. Его переводы стали актом гражданской солидарности и художественным памятником, значение которого лишь возрастает со временем.

Для творческой биографии самого Блока эта работа стала важнейшим этапом внутренней эволюции. Встреча с Исаакяном сов-

пала с периодом его перехода от утонченного символизма к «страшной мировой» реальности, к осмыслинию судьбы России и роли поэта в апокалиптическом мире. Работа над переводами позволила ему переосмыслить некоторые вещи о Родине, изгнанничестве и народной судьбе, обогатив его поэтическую палитру и укрепив его голос как поэта-пророка и гражданина.

Таким образом, переводы Блока из Исаакяна — это великолепные образцы переводческого искусства, живое свидетельство того, как поэзия способна преодолевать национальные границы и исторические трагедии, становясь мостом между культурами и веками. Это наследие продолжает оставаться непревзойденным примером того, как творческий диалог двух великих поэтов рождает текст, который принадлежит сразу двум народам и обогащает собой мировую литературу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Блок А.** Собр. соч. в 8-ми т., т. 8, М-Л, 1963, 776 стр.
2. ИРЛИ, РО, ф. 654 (архив А. Блока), оп. 1, № 154
3. **Мкртчян Л.**, Аветик Исаакян и русская литература. Ереван, «Айастан», 1963.
4. Литературное наследство т. 92: **Александр Блок.** Новые материалы и исследования, кн. 1. М., 1980, с. 517
5. **Исаакян Аветик,** Избранное, Ереван 2006, изд. «Варпет», 486 с.
6. **Исаакян Авик,** Аветик Исаакян и Россия, Москва, изд. «Советский писатель», 1988, 304 с.

REFERENCES

1. **Blok A.** Sobr. soch. v 8-mi t., t. 8, s 450
2. IRLI, RO, f. 654 (arhiv A. Bloka), op. 1, № 154
3. **Mkrtchyan L.** Avetik Isaakjan i russkaja literatura. Erevan, 1957
4. Literaturnoe nasledstvo t. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovanija, kn. 1. M., 1980, s. 517
5. **Avetik Isaakjan,** Izbrannoe, Erevan 2006, Izdatel'stvo «Varpet», 486 s.
6. **Avik Isaakjan,** Avetik Isaakjan i Rossija, Moskva, Sovetskiy pisatel' 1988, 304 s.